

Оригинальная статья / Original article

УДК 355/359

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-209-219>

«Возникли ликвидационные настроения»: Советский опыт послевоенной демобилизации

© В.Н. Воронцов^а, М.С. Суханова^б

^а Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

^б Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья посвящена анализу процесса осмысления опыта Гражданской войны в России. Финал этого противоборства внес существенные уточнения в эту интеллектуальную работу. Рассматриваются «послепобедные» дополнения и корректировки в официальный большевистский дискурс, ставший основанием для отечественного военного строительства. В центре внимания взгляды видного большевика Сергея Ивановича Гусева (Якова Давидовича Драбкина). Именно он наиболее откровенно и подробно высказывался в 1921 г. по ключевым аспектам об адаптации Красной армии к окончанию Гражданской войны: обозначил текущие трудности, обосновал судьбу временных «попутчиков», пояснил собственно военные новации, раскрыл основные вопросы управления и партийного строительства. Кроме смыслового содержания публикаций проанализированы риторические и аргументационные приемы. С.И. Гусев с огорчением признавал, что понимание необходимости вооруженной борьбы за мировую революцию – «революционной войны» было чуждо не только населению Советской России, но и членам партии большевиков. Он обозначил направления разъяснительной работы, что без победы мировой революции пролетарская диктатура рухнет. Гусев выступал за усиление классового характера Красной армии. Скорректированная в начале 1920-х годов модель интеллектуальной работы и уточненный «образ будущего» определяющим образом повлияли на ход военного строительства в СССР.

Ключевые слова: Гражданская война, демобилизация, большевики, Сергей Иванович Гусев, мировая революция, Красная армия, настроения, политическая работа, военная теория, новации, адаптация, коллегиальность

Информация о статье: Дата поступления 1 декабря 2019 г.; дата принятия к печати 30 декабря 2019 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Воронцов В.Н., Суханова М.С. «Возникли ликвидационные настроения»: Советский опыт послевоенной демобилизации // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 209–219. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-209-219>

«There was a liquidating mood»: Soviet experience of post-war demobilization

© Vladislav N. Vorontsov^а, Maria S. Sukhanova^б

^а Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia

^б Saint Petersburg State Economic University, Saint Petersburg, Russia

Abstract: The article analyzes the process of understanding the experience of the Civil War in Russia. The finale of this confrontation made significant adjustments to this intellectual work. We consider post-war additions and adjustments to the official Bolshevik discourse that became the basis for Russian military construction. The focus is on the views of the famous Bolshevik Sergei Ivanovich Gusev (Yakov Davidovich Drabkin). He was that person who spoke most openly and in detail in 1921 on key aspects of the Red Army's adaptation to the end of the Civil War: he outlined the current difficulties, justified the fate of temporary “fellow travelers”, explained the actual military innovations, and revealed the main issues of governance and Party building. In addition to the semantic content of publications, rhetorical and argumentative techniques are analyzed. Gusev S.I. was distressed to admit that the understanding of the need for an armed struggle for the world revolution – a “revolutionary war” – was alien not only to the population of Soviet Russia, but also to members of the Bolshevik Party. He outlined the direc-

tions of explanatory work that without the victory of the world revolution, the proletarian dictatorship would collapse. Gusev advocated strengthening the class character of the Red Army. The model of intellectual work corrected in the early 1920s and the refined "image of the future" had a decisive influence on the course of military construction in the USSR.

Keywords: Civil War, demobilization, Bolsheviks, Gusev Sergey Ivanovich, world revolution, Red Army, moods, political work, military theory, innovations, adaptation, collegiality

Article info: Received December 1, 2019; accepted for publication December 30, 2019; available online March 31, 2020.

For citation: Vorontsov V.N., Sukhanova M.S. (2020) «There was a liquidating mood»: Soviet experience of post-war demobilization. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 209–219. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-209-219>

Изучение и осмысление исторического опыта – обширная и сложная задача, решаемая и высшим руководством государства, и обществом, и научным сообществом. В истории России масштабом и продолжительностью политических последствий выделяются окончания крупных войн: борьбы с Наполеоном к 1815 г., Крымской в 1856 г., Гражданской к 1921 г., Великой Отечественной в 1945 г. Можно спорить о хронологии окончания для России Первой мировой войны, но очевидна последовавшая преемственность в Гражданской и т. д.

В ходе Гражданской войны обе стороны адаптировались к меняющейся обстановке, осмысливали и учитывали полученный опыт, апеллировали к его обобщениям в агитации и пропаганде. Финал междоусобного противоборства внес существенные уточнения в эту интеллектуальную работу, итоги которой представляли в публикациях как авторы победившего красного лагеря, так и потерпевшего поражение белого. На наш взгляд, особый исследовательский интерес представляют именно «послепобедные» дополнения и корректировки в большевистский дискурс о Гражданской войне. Они до распада СССР являлись идейным основанием для отечественного военного строительства, оказав тем определяющее влияние на характер социальной политики, на отношение к армейским и партийным кадрам (Волков, 1999; Тинченко, 2000; Тухачевский, 2020), на народное хозяйство (Симонов, 2015; Мельников, 2019), на восприятие внутригосударственных и международных процессов (Свечин, 1927) и т. д. Можно согласиться с мнением зарубежного исследователя Н. Катцера, что «историю долгой расплаты по долгам Гражданской

войны», а также влияния ее опыта на мышление и менталитет политического руководства СССР еще предстоит написать (Катцер, 2014. С. 179).

Без системной реконструкции первого советского опыта перехода от открытой войны к относительно мирной обстановке научные оценки тоталитарного режима не получают надлежащей глубины и обоснованности. Рельефность фактологического материала, отразившего ранее невиданные новые политические практики, позволяет довольно четко проследить эволюцию большевистских идей.

Для последующих статей оставим давно привлекающую внимание исследователей проблему исторического мифотворчества в СССР, замены действительных участников Гражданской войны на фигуры, выбранные сменяющимися этапами советской пропаганды и зависимой от неё историографии (Найда, 1958; Липицкий, 1991; Наумов, 1993). В общем, все то, что без какой-либо иронии можно определить как идеологическое превосходство административно-командной системы, бесконечно гибкой к «текущему политическому моменту», но и уязвимой для критики за пересмотры оценок.

Большие перспективы открывает сопоставление экспертных оценок советских партийных функционеров (В.И. Ленин, И.В. Сталин, С.И. Гусев, М.В. Фрунзе, А.С. Бубнов), служивших в Красной армии профессиональных военных (А.А. Свечин, П.П. Лебедев, Б.М. Шапошников, М.Н. Тухачевский), их оппонентов из белого лагеря (А.В. Геруа, Н.Н. Головин, А.А. Зайцов, Е.Э. Месснер, Н.В. Пятницкий).

Ограниченный объем данной статьи побуждает нас сосредоточить внимание на публикациях

того из перечисленных авторов, кто откровеннее и подробнее других высказывался в 1921 г. об адаптации Красной армии к окончанию Гражданской войны – Сергея Ивановича Гусева (или по настоящему имени, отчеству и фамилии – Якова Давидовича Драбкина).

Нет необходимости повторять биографию Гусева (Крамаров, 1967; Ерашов, 1991), но несколько моментов следует подчеркнуть. Социал-демократ с 1896 г., во время Гражданской войны занимал должности члена Революционных военных советов: с июня 1918 г. – 2-й армии, с декабря 1918 г. – Восточного фронта, с июня 1919 г. (а также и в мае 1921 г. – августе 1923 г.) – всей республики (РВСР), с декабря 1919 г. – Юго-Восточного фронта, с января 1920 г. – Кавказского фронта, с сентября 1920 г. – Юго-Западного (сменил И.В. Сталина) и Южного фронтов. Поэтому его суждения о проблемах управления Красной армии вполне авторитетны. Особенно же значимо, что с января 1921 г. по январь 1922 г. С.И. Гусев был начальником Политического управления (действовало на правах Отдела ЦК партии) РВСР, затем до апреля 1924 г. – членом Революционного Военного Совета Туркестанского фронта. Он же возглавлял военно-историческую комиссию по изучению опыта мировой и Гражданской войн и Высший военно-редакционный совет при РВСР СССР. Сам С.И. Гусев выпустил брошюру «Уроки Гражданской войны», а вместе с М.В. Фрунзе готовил к X съезду РКП(б) тезисы «Реорганизация Рабоче-крестьянской Красной армии» (Ерашов, 1991. С. 184). В публикациях С.И. Гусев предельно откровенно высказывался по ключевым аспектам военного строительства. Учитывая последующие многократные изменения политического курса и официальной риторики, от практически неизбежных негативных последствий автора избавила смерть от болезни в 1933 г.

Ибо в конце 1930-х гг. чрезмерная искренность в общедоступной печати вполне могла быть признана «находкой для шпионов», да и по деятельности С.И. Гусев был связан преимущественно с тем, кто очно и даже заочно (из числа ранее умерших своей смертью) признан «врагами наро-

да» (Горелов, 1991. С. 339; Ненароков, 1991. С. 358–359).

Возглавлявший Политическое управление Красной армии с 1924 по 1929 г. А.С. Бубнов выступал в печати с работами, буквально составленными из цитат В.И. Ленина (Бубнов, 1958. С. 119–124), что не избавило его от расстрела в 1938 г. А ведь еще в 1924 г. он написал, что Красную армию строят комсостав, политсостав, контрольные комиссии, комячейки, комсомол, органы карательной политики. Из высокопоставленных в Гражданскую войну политработников Красной армии не попали «под каток репрессий» те, кто ушел с политических постов, как например С.И. Аралов (Кузьмина, 1991. С. 166).

Наряду со смысловым содержанием работ С.И. Гусева, не меньший интерес представляют его риторические и аргументационные приемы. Например: «Нас ни в коей степени не интересует вопрос, кто первый начал террор... Научно-теоретическая и практически-политическая постановка вопроса о терроре в Гражданской войне состоит не в сантиментальном хныканье и не изысканиях, кто в этом виноват, а в изучении условий применения террора и наиболее целесообразного ее проведения. Наша ошибка вначале заключалась в чрезмерной мягкости, нерешительности, неумелости... Помнится, даже товарищ Ленин погрешил в начале 1918 г. заявлением, что в основном Гражданская война окончена, что вообще русская буржуазия бессильна организовать восстание против Советской власти» (Гусев, 1925а. С. 116–117).

Для нашей же темы наиболее значимы следующие взаимосвязанные проблемы, рассмотренные С.И. Гусевым: обозначение трудностей 1921 г., предрешение судеб «попутчиков» (или рассуждения о партизанстве и бандитизме), динамика осмысления Гражданской войны, собственно военные новации, вопросы армейского управления и практика партийного строительства.

Текущие трудности подготовки к «наступательной революционной войне»

Гусев С.И. с огорчением признавал, что «понимание задач революционной войны чуждо в настоящее время широким рабочим и крестьян-

ским массам, а также и партийным кругам... В крестьянских массах, вместе с разгромом помещичьей контр-революции, возникли демобилизационные и ликвидационные настроения. Земля завоевана, помещик разбит, зачем же нам армия? зачем нам новые войны, – так рассуждает крестьянин. Поэтому теперь же необходимо приступить к длительной и упорной работе по выяснению, рабочим и крестьянским массам того, что без победы мировой революции пролетарская диктатура в РСФСР рухнет» (Гусев, 1925d. С. 106).

«Новые задачи, встающие перед Красной армией, требуют коренного изменения ее боевой и политической подготовки применительно к задачам революционной войны. Перед Красной армией могут оказаться несравненно более сильные, чем врангелевские части, враги, лучше обученные, лучше организованные, вооруженные могучими техническими средствами. Война против таких врагов была бы совершенно безнадежной, если бы в их тылу не имелся у нас сильный союзник, в лице революционного пролетариата. Это, однако, не избавляет нас от необходимости пропустить всех красноармейцев через военно-политические школы-казармы, которые дали бы им высокую, боевую и политическую подготовку, превратив их в полуголотов и тем самым подготовив их к революционным войнам» (Гусев, 1925d. С. 106).

«Но без упорной, длительной работы боевого и политического воспитания, крестьянин, одетый в мундир красноармейца, этой задачи не поймет, на революционную войну не пойдет. Задача ускорения революции на Западе ему чужда и останется чуждой до тех пор, пока мы революционную войну не свяжем самым очевиднейшим образом с помещичье-буржуазной контрреволюцией, с возможностью возврата помещику власти и земли. Следовательно, содержание нашей политической работы в Красной армии существенно изменяется. Основная задача всей политработы в Красной армии (а также и всей боевой подготовки) – воспитать каждого красноармейца на мысли о развитии и ускорении революции на Западе, на лозунге наступательной революционной войны. Пройдут, быть может, годы, прежде чем мы увидим себя вынужденными

на такую войну. Сейчас мы не хотим и не можем воевать. Но готовиться к этой войне нужно теперь же. Чтобы подготовить крестьянина-красноармейца к революционной войне, чтобы доказать ему неопровержимо, что без торжества революции на Западе помещик неминуемо вернется и землю отберет, что для этого торжества необходимо ее ускорение, вплоть до наступательной революционной войны, потребуются гораздо более глубокая и серьезная, чем прежде, политработы...

И если буржуазным правительствам удавалось в течение столетий «оболванивать» муштрой, палочной дисциплиной и «словесностью» одетых в солдатские мундиры рабочих и крестьян для своих грязных, корыстных, грабительских войн, то нет сомнения, что нам удастся путем углубленной политработы подготовить крестьянина на революционную войну за торжество коммунизма» (Гусев, 1925b. С. 134–135).

Целесообразно привести оценки современной зарубежной историографии: «По большей части фантастические страхи перед большевиками, готовыми к захвату старого мира, оказывали мощное воздействие на политическое воображение европейцев после того, как в России к власти пришел Ленин. Отчасти под воздействием пропаганды, отчасти же являясь подлинным источником беспокойства для тех, кому было что терять, кроме своих цепей, большевизм быстро стал синонимом расплывчатых угроз и скрытых врагов, стремившихся к ниспровержению послевоенных европейских обществ. Зловещие фантазии о наступающих со всех сторон нигилистических силах беспорядка вдохновляли консервативную и контрреволюционную политику по всей Европе, принимавшую, однако, разное выражение. Там, где победа в Первой мировой войне укрепила государство и его институты, антибольшевистская мифология была призвана также стабилизировать существовавшую систему путем сплочения тех, кто был готов защищать ее от «распада». Наоборот, в побежденных странах антибольшевизм помогал объяснить, почему была проиграна (Первая мировая) война, рухнули старые режимы и на большей части Восточной и Цен-

тральной Европы воцарился хаос» (Герварт, Хорн, 2014. С. 79). Таким образом, и за пределами СССР взаимосвязанные идеология и мифология играли исключительную роль.

Военно-теоретическое осмысление

М.В. Фрунзе в январе 1921 г. сформулировал характерный тезис: «Задача выработки единой пролетарской военной доктрины, в условиях развивающейся мировой революции и в обстановке наиболее вероятных для ближайшего будущего войн гражданского типа, не может быть возложена на узких специалистов военного дела. Правильное решение ее может быть дано лишь совместными усилиями как военных специалистов, так и всех политических работников, имеющих достаточный стаж в деле строительства Красной армии и в ее борьбе на основе использования революционного опыта пролетарских масс» (Гусев, 1925с. С. 94).

Яркий представитель проигравшего белого лагеря А.В. Геруа в 1923 г. писал: «Советчина готовит большие сюрпризы по части изучения гражданской войны и ее использования для целей будущего мирового столкновения масс. Хотя ее литература по этой части, в особенности что касается чисто военных трудов, оставляет желать многого, можно думать, что это – намеренный трюк Советской власти... Но за эту явную литературу, очевидно, имеется и более глубокое изучение гражданской войны, так как об этом говорят официальные руководства, появившиеся в печати и предписанные к руководству в войсках: брошюра «Вооруженное восстание как искусство» и, в особенности, не существующий нигде больше – «Устав гражданской войны»... Неразговорчивость Советов в этой области знаменует их желание подготовить неожиданность...» (Геруа, 1923. С. 295, 298).

В 1937 г. другой представитель белого лагеря – Н. Пятницкий кратко проанализировал состоявшуюся эволюцию красной военной доктрины под влиянием «хирургически» завершавших теоретические споры политических расправ (от расстрелов до отлучения или самотлучения от публикаций) и нарастающего «культа личности» И.В. Сталина (Пятницкий, 1999).

Партизанство, бандитизм: судьбы попутчиков

Внутриполитическая обстановка начала 1920-х годов весьма тревожила политработников. Они требовали вести боевую и политическую подготовку в направлении усиления ее классового характера Красной армии. С.И. Гусев многократно подчеркивал, что Новая экономическая политика не дает полных гарантий против новых попыток (в т. ч. через неликвидированный бандитизм) «анархистской, мелкобуржуазной стихийной» контрреволюции сорвать пролетарскую диктатуру. Осознавалась и внутрипартийная угроза анархосиндикалистских тенденций – «подмены вопроса о существовании диктатуры пролетариата вопросом о средствах существования для пролетариата», с которой, по Гусеву, необходимо было вести беспощадную борьбу.

Своеобразна трактовка военного творчества не большевиков: «В эпоху социалистической революции, идущей под лозунгом «экспроприация экспроприаторов», партизанство неминуемо извращает этот лозунг и скатывается к бандитизму, если только партизаны не связаны тесно с регулярной армией. Какое бы название ни присваивали своим действиям партизаны, – реквизиция, самоснабжение, контрибуция, – существо дела остается то же. Дело также нисколько не изменится, если на партизанский бандитизм наклеить анархический ярлык. Мы видим это на примере известного на Украине предводителя партизанских банд Махно, от которого идейные анархисты на словах отреклись (что не мешает им на деле заигрывать с ним). Под анархическим черным флагом Махно совершает черное дело объединение контрреволюционных, кулацких элементов деревни против рабоче-крестьянской революции. Самое лучшее доказательство этому в том, что на деле Махно не раз являлся пособником врагов Советской России и белогвардейцев, которые не раз искали открытого или тайного союза с ним. Махно всаживал нож в спину Красной армии в то время, когда она вела отчаянную борьбу против Врангеля. Только когда Красная армия на врангелевском фронте настолько окрепла, что была в силах справиться с ним само-

стоятельно. Махно предложил Советскому правительству «военный союз» против Врангеля: кулак испугался за захваченную им у помещика землю. Предложение было принято не для того, чтобы иметь лишнюю силу на фронте – она там была не нужна, а чтобы на время избавиться от врага в тылу. Как только Врангель был разгромлен, «союз», естественно, распался, ибо пролетарской революции по пути с кулаком только в борьбе с помещиком, а дальше их пути резко расходятся» (Гусев, 1925е. С. 64).

«Выводы – Партизанский бандитизм объективно является врагом пролетарской революции и союзником буржуазной контрреволюции. Выбрасываемые им демагогические лозунги – «выборное начало», «долой офицерство», «долой всякую принудительную дисциплину» – деморализуют и разлагают, толкают на грабежи регулярные красноармейские части, которые, особенно в отсталой крестьянской России, лишь медленно изживают свою вековую ненависть ко всем организационным формам, заимствованным у старой армии. Вот почему решительная и непримиримая борьба с бандитизмом и мелкобуржуазным, враждебным всякой дисциплине анархизмом в рядах регулярной Красной армии является первейшей и священнейшей обязанностью ее строителей. Партизанство может быть допускаемо лишь при условии строгого подчинения и теснейшей связи его с регулярной армией» (Гусев, 1925е. С. 64–65). Сетования на отсталость России в работах большевиков очень распространены, органично дополняя призывы к международной пролетарской солидарности.

События весны 1921 г. (кронштадтское восстание и волна бандитизма) показали, что о широком переходе к милиционной системе в настоящий период не может быть и речи, ибо развитие милиционной системы могло превратиться в придание организационной военной формы мелкобуржуазной анархистской контрреволюции. X партсъезд, запретив широкую пропаганду милиционной системы, как вредной, допустил лишь образование полумилиционных частей в крупных рабочих центрах и этим подчеркнул, что в русских условиях о народной милиции говорить не приходится, а надо

приступить лишь к организации классовой (пролетарской) милиции. На Западе, где соотношение пролетариата к мелкой буржуазии гораздо благоприятнее, переход к классовой милиции будет проще и быстрее, чем у нас. Однако и там переход к народной милиции: станет возможным лишь при прочном укреплении пролетарской диктатуры, то есть тогда, когда она может оказаться почти ненужной» (Гусев, 1925е. С. 78–79). «Выводы: решительное подавление восстаний, организуемых (Гусев не уточняет кем) для срыва сбора продналога. Поскольку обычные части Красной армии могут проявить сочувствие к кулакам. Гусев констатирует, что большевики «приступили к формированию нового рода войск, приспособленных к этой борьбе и не зараженных мелкобуржуазной стихией. Мы создаем корпус ВЧК, мы приступаем к реорганизации отрядов особого назначения» (Гусев, 1925b. С. 134).

«Враг был силён, тем больше наша слава»: собственнo военные выводы

С.И. Гусев подчеркивал в конце 1921 г.: «Маневренный характер гражданской войны, выход войны из окопов и проволоки (на открытое поле) создают условия для возрождения кавалерии и возвращения ей той важной роли, которую она играла до русско-японской и империалистической войны. Инициативу в создании кавалерии берет на себя; в России белогвардейское командование... Как велико значение кавалерии в условиях гражданской войны, – видно лучше всего на примере Врангеля. Врангель перевернул отношение между пехотой и кавалерией. «Бронированная» кавалерия стала у него главным родом оружия, а пехоте была отведена вспомогательная роль. Пехота прокладывала для кавалерии пути там, где кавалерия не была в состоянии пройти самостоятельно (проволочные заграждения, переправа через реки, десанты). Бой же вела и решала дело кавалерия» (Гусев, 1925е. С. 66–68).

Такие оценки большевика-политработника совпадают с мнением выпускника 1917 г. ускоренных курсов Академии Генерального штаба и участника белого движения на Юге России Арсения

Александровича Зайцова. Последний в 1934 г. писал: «Победа красных в гражданскую войну, в глазах выдвинутого ею командного состава, оправдала применявшиеся в ней приемы и многие из них, не выдавшие настоящей войны или участвовавшие в ней на самых низших постах, поверили, что именно в них-то и лежит истина. Упоение победой заставляло их считать, что именно ими найдено последнее слово. Опыт же гражданской войны совершенно исказил истинное представление о современной армии. В самом деле, война эта велась, главным образом, конницей, почти без артиллерии, авиации и химии. Пехота красных была сведена в 9-ти полковые громоздкие дивизии. Из броневых машин применялись только бронепоезда и т. д. Изжить все эти заблуждения и перейти на современные рельсы было совсем нелегко. И тем не менее, Фрунзе удалось, более или менее, вывести Красную Армию из этого сумбура. Принятая Фрунзе и, затем, после него лишь совершенствовавшаяся организация Красной Армии поэтому является компромиссом между опытом гражданской войны и принципами устройства современных армий. Пехота Красной Армии организована по германскому образцу... Характерной особенностью Красной Армии является организация ее конницы, во многом напоминающая и посейчас еще эпоху гражданской войны» (Зайцов, 1999. С. 226). Такое совпадение выводов самих участников Гражданской войны особенно ценно для нас как исследователей.

Снова С.И. Гусев: «В Западной Европе кавалерия едва ли сможет сыграть такую крупную роль, главным образом, потому, что **там недостает** необходимой для кавалерии лошади. Только **полудикие** русские лошади обладают необходимой для кавалерии выносливостью, способны делать по 2–3 дня подряд 60-верстные переходы, ночевать под открытым небом летом и зимой и питаться недостаточным и плохим кормом. Однако не следует повторять той ошибки, которая была сделана в русской Красной армии, где приступили к формированию кавалерии лишь на второй год войны. Необходимо, поскольку позволяют это условия, формирование кавалерии вести наряду с форми-

рованием пехоты и превращать ее в «бронированную» придачей ей большого числа конных пулеметов, конной артиллерии, вооруженных грузовиков, броневиков и аэропланов» (Гусев, 1925е. С. 68).

Партийность и коллегиальность: вопросы управления

Рассуждения С.И. Гусева: «В области управления армиями белое командование удовлетворялось формами управления, заимствованными из старой буржуазной армии. Красная армия изобрела новые, более высокие формы управления, в лице революционных военных советов фронтов и армий и в лице обширного корпуса комиссаров во всех управлениях и частях Красной армии.

В итоге революционные военные советы фронтов и армий сложились как коллегиальные управляющие центры, где оперативная часть находилась в руках командующего, а политическая часть (политические отделы, особые отделы, трибуналы, агентурная разведка, взаимодействия с местными гражданскими организациями) в руках двух комиссаров. Все остальные вопросы, особенно вопросы снабжения и формирования, решались коллегиально. Нередко бывало, что и оперативные вопросы обсуждались коллегиально. Решение, однако, оставалось за командующим. Командующие охотно шли на коллегиальность из-за страха ответственности.

Правильна ли эта форма управления? Этот вопрос не является решенным окончательно. Есть сторонники мнения, что теперь (в декабре 1921 г.) настала возможность перейти к единоначальной форме управления фронтами и армиями. Попытки такого перехода уже были сделаны. Эти попытки показали, однако, что момент перехода к **единоличию** не назрел еще полностью. При единоначальных командующих пришлось ввести институт помощников по политической и административной части, то есть в скрытой форме тот же военный совет.

Тысячи организационных вопросов, вопросов формирования новых частей, улаживания конфликтов с местными организациями, борьбы с восстаниями в тылу, политической работы в прифронто-

вой полосе и т. д., и т. п., – тысячи вопросов, чуждых «обычной» войне, в условиях гражданской войны буквально осаждают фронтовое и армейское командование. И одному человеку, будь он хоть семи пядей во лбу, особенно бывшему офицеру, военному специалисту, привыкшему работать «на всем готовом», не вмешиваясь в «политику», нет возможности справиться с ними. Если бы дело сводилось только – к тому, чтобы воевать, управляя готовой армией, тогда единоличное управление было бы возможно. А в гражданской войне приходится не только воевать, но и строить одновременно армию, и притом в сложнейших и труднейших условиях. Без коллегии тут не обойтись...»

«Если найдется такой командующий, который сочетает в себе хорошего коммуниста и хорошего генштабиста и сумеет единолично справиться со сложнейшей задачей управления армией в гражданской войне, то такой единоличный командующий, конечно, лучше «коллегиального командующего» (военного совета). К сожалению, в русских условиях таких товарищей почти не видно. Может быть, западно-европейский пролетариат окажется счастливее нас» (Гусев, 1925е. С. 82–85).

Партийные организации армии

Гусев С.И. особо подчеркивал, что Гражданская война есть война классовая, а потому партийная. О беспартийной армии не может быть и речи. Однако Красная армия не может непосредственно управляться партией в лице местных партийных организаций или ЦК партии. Допустим, лишь контакт, согласование работы, а не подчинение. Иначе оказалось бы, что Красная армия подчинена не революционным военным советам и не политическим отделам, а кому-то другому, стоящему вне Красной армии. Подобные «покушения», делавшиеся местными партийными организациями, ничего кроме вреда не принесли.

Партийные организации (политические отделы) в Красной армии являлись замкнутыми и по всей собственной линии подчинялись только Центральному Комитету коммунистической партии. Основу такой организации составляла партийная

ячейка роты, полка, штаба, управления. Ячейки объединялись через регулярно созываемые конференции при политических отделах.

Особо оговаривалось, что если партийные организации, стоящие вне Красной армии, не могут претендовать на непосредственное управление Красной армией или отдельными ее частями, то тем еще менее допустимо, чтобы партийная организация внутри Красной армии брала – на себя управление ею. Управление армией принадлежит революционным военным советам и подчиненным им начальникам и командующим совместно с комиссарами при них. Если бы даже все члены военных советов, начальники и командующие были коммунистами, то из этого не следовало, что военные советы признавались партийными организациями. Задача военных советов заключалась в управлении армией, а не в партийной работе, и в этом аспекте они являлись «беспартийными».

Таким образом, задача партийных организаций Красной армии – вести партийную работу, а не командовать войсками. Начальники политических отделов не избирались партийными организациями, а назначались Центральным Комитетом. То же относится и к членам революционных военных советов. Комиссары не избираются, а назначаются революционными военными советами. Приказы политических отделов должны выполняться ячейками на основах военной дисциплины. Чтобы быть примером дисциплины для красноармейских масс, коммунисты должны были вносить военную дисциплину в свои собственные ряды.

К X партсъезду, в связи с окончанием войны, в Красной армии возникло течение, направленное к полной перестройке партийной организации внутри Красной армии по образцу гражданских партийных организаций, то есть с выборными партийными органами в бригадах, дивизиях, армиях, округах и фронтах. В отдаленной перспективе это течение могло образовать внутри Красной армии самостоятельную партию (РКП Красной армии), что было признано недопустимым. Аналогичный запрет касался профсоюзов.

Одновременно появились течения, направленные к ликвидации самостоятельной партийной

организации в Красной армии и к полному слиянию их с местными партийными организациями. Оба эти течения были решительно осуждены X съездом, принявшим постановление о сохранении политаппарата Красной армии при условии тесного контакта с местными парторганизациями и с Главполитпросветом (Гусев, 1925е. С. 88–89).

* * * * *

Окончание Гражданской войны поставило перед высшим руководством советского государства новые, по их же признанию, более сложные задачи. Демобилизация армии и смена приоритетов пропаганды стала серьезной, но вполне успешной

Библиографический список

Бубнов А.С. Военная дисциплина и парторганизация // О Красной армии. М.: Военное издательство министерства обороны Союза ССР, 1958. С. 117–133.

Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. 382 с.

Герварт Р., Хорн Дж. Большевизм как фантазия: страх перед революцией и контрреволюционное насилие (1917–1923 гг.) // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923 / Сборник статей; ред. Р. Герварт и Д. Хорн. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 63–80.

Геруа А. Полчища. София, 1923. 434 с.

Горелов И.Е. Рыков Алексей Иванович // Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. – 28 августа 1923 г.). М.: Политиздат, 1991. С. 326–339.

Гусев С.И. О гражданской войне // Гражданская война и Красная армия. Сборник военно-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М.-Л.: Гос. изд-во, 1925а. С. 113–125.

Гусев С.И. Основная задача политработы в Красной армии // Гражданская война и Красная армия. Сборник военно-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М.-Л.: Гос. изд-во, 1925б. С. 133–135.

Гусев С.И. Реорганизация рабоче-крестьянской Красной армии (материалы к X съезду РКП) // Гражданская война и Красная армия. Сборник военно-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М.-Л.: Гос. изд-во, 1925с. С. 91–96.

Гусев С.И. Тезисы к «неделе красного командира» // Гражданская война и Красная армия. Сборник воен-

ной проверки адаптационных возможностей коммунистического режима. Скорректированная модель интеллектуальной работы и уточненный «образ будущего» оказали определяющее влияние на ход дальнейшего военного строительства в СССР, сделав неизбежными привлечение карательных органов к разрешению армейских проблем. Сформулированные в статье обобщения позволяют увидеть истоки сильных и слабых сторон Красной армии, продемонстрированных в Великой Отечественной войне, а также оценить последующие процессы в отечественных вооруженных силах, включая усиление партийного контроля над ними как осмысленное воспроизведение практик 1920-х годов.

References

Bubnov A.S. (1958) Military discipline and party organization. About the Red Army. Moscow: VOEN. Publishing house of the Ministry of defense of the USSR. P. 117–133. (In Russ.)

Volkov S.V. (1999) The Tragedy of the Russian officers. Moscow. 382 p. (In Russ.)

Gerwert R., Horn, J. (2014) Bolshevism as a fantasy: fear of revolution and counter-revolutionary violence (1917–1923). *Voina vo vremya mira: Voenizirovannye konflikty posle Pervoi mirovoi voiny. 1917–1923. Sbornik statei* = War during peace: Paramilitary conflicts after the First World War. 1917–1923. Collection of articles; edited by R. Herward and D. Horn. Moscow: New literary review. P. 63–80. (In Russ.)

Gerua A. (1923) Hordes. Sofia. 434 p. (In Russ.)

Gorelov I.E. (1991) Rykov Alexey Ivanovich. *Revvoensovet Respubliki* = Revolutionary Military Council (Revvoensovet) of Republic (September 6, 1918 – August 28, 1923). Moscow: Politizdat. P. 326–339. (In Russ.)

Gusev S.I. (1925a) About the Civil War. Civil War and the Red Army. Collection of military-theoretical and military-political articles (1918–1924). Moscow – Leningrad: State publishing house. P. 113–125. (In Russ.)

Gusev S.I. (1925b) The Main task of political work in the Red Army. Civil War and the Red Army. Collection of military-theoretical and military-political articles (1918–1924). Moscow – Leningrad: State publishing house. P. 133–135. (In Russ.)

Gusev S.I. (1925c) Reorganization of the Workers and Peasants Red Army (materials for the X Congress of the RCP). Civil War and the Red Army. Collection of military-theoretical and military-political articles (1918–1924). Moscow – Leningrad: State publishing house. P. 91–96. (In Russ.)

Gusev S.I. (1925d) Theses for the “week of the red commander”. Civil War and the Red Army. Collection of

но-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М.-Л.: Гос. изд-во, 1925d. С. 104–107.

Гусев С.И. Уроки гражданской войны // Гражданская война и Красная армия. Сборник военно-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М.-Л.: Гос. изд-во, 1925e. С. 51–90.

Зайцов А.А. Шестнадцать лет «РККА» // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. (Русский военный сборник). М.: Русский путь, военный университет, 1999. Вып. 16. С. 217–254.

Ерашов В.П. Гусев Сергей Иванович // Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. – 28 августа 1923 г.). М.: Политиздат, 1991. С. 167–185.

Катцер Н. Белый миф. Русский антибольшевизм в послевоенной Европе // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923 / Сборник статей; ред. Р. Гервард и Д. Хорн. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 155–194.

Крамаров Г.М. Сквозь грозы шагающий // Реввоенсовет нас в бой зовет. Воспоминания. М.: Военное издательство министерства обороны СССР, 1967. С. 60–70.

Кузьмина Т.Ф. Аралов Семен Иванович // Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. – 28 августа 1923 г.). М.: Политиздат, 1991. С. 148–166.

Липицкий С.В. Сталин Иосиф Виссарионович // Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. – 28 августа 1923 г.). М.: Политиздат, 1991. С. 371–402.

Мельников Н. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Яуза-каталог, 2019. 736 с.

Найда С.Ф. Об освещении некоторых вопросов истории КПСС в годы интервенции и гражданской войны в курсе истории партии для вузов // Материалы всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук (14–22 июня 1957 г.). М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С. 122–174.

Наумов И.В. У истоков: изучение истории гражданской войны на дальнем Востоке в 1920-е годы. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1993. 151 с.

Ненароков А.П. Смилга Ивар Тенисович // Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. – 28 августа 1923 г.). М.: Политиздат, 1991. С. 349–359.

Пятницкий Н. Эволюция красной военной доктрины // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. Русский военный сборник. М.: Рус-

military-theoretical and military-political articles (1918–1924). Moscow – Leningrad: State publishing house. P. 104–107. (In Russ.)

Gusev S.I. (1925e) Lessons of the Civil War. Civil War and the Red Army. Collection of military-theoretical and military-political articles (1918–1924). Moscow – Leningrad: State publishing house. P. 51–90. (In Russ.)

Zaitsov A.A. (1999) Sixteen years of the “Red Army” // Military thought in exile. Creativity of the Russian military emigration. (Russian military collection. Issue 16). Moscow: Russian way, military University. P. 217–254. (In Russ.)

Erashov V.P. (1991) Gusev Sergey Ivanovich. *Revvoensovet Respubliki* = Revolutionary Military Council (Revvoensovet) of Republic (September 6, 1918 – August 28, 1923). Moscow: Politizdat. P. 167–185. (In Russ.)

Katzer N. (2014) White myth. Russian anti-Bolshevism in post-war Europe. *Voina vo vremya mira: Voениzirovannyye konflikty posle Pervoi mirovoi voiny. 1917–1923. Sbornik statei* = War during peace: Paramilitary conflicts after the First World War. 1917–1923. Collection of articles; edited by R. Herward and D. horn. Moscow: New literary review. P. 155–194. (In Russ.)

Kramarov G.M. (1967) Through the storm walkin. *Revvoensovet nas v boi zovet. Vospominaniya* = The Revolutionary Military Council of the us calls. Memories. Moscow: VOEN. publishing house of the Ministry of defense of the USSR. P. 60–70. (In Russ.)

Kuzmina T.F. (1991) Aralov Semyon Ivanovich. *Revvoensovet Respubliki* = Revolutionary Military Council (Revvoensovet) of Republic (September 6, 1918 – August 28, 1923). Moscow: Politizdat. P. 148–166. (In Russ.)

Lipitsky S.V. (1991) Stalin Joseph Vissarionovich. *Revvoensovet Respubliki* = Revolutionary Military Council (Revvoensovet) of Republic (September 6, 1918 – August 28, 1923). Moscow: Politizdat. P. 371–402. (In Russ.)

Melnikov N. (2019) Tank industry of the USSR during the Great Patriotic War. Moscow: Yauza-catalog. 736 p. (In Russ.)

Naida S.F. (1958) On coverage of some issues of the history of the CPSU during the years of Intervention and Civil War in the course of party history for universities. Materials of the all-Union meeting of heads of departments of social sciences (June 14–22, 1957). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. P. 122–174. (In Russ.)

Naumov I.V. (1993) At the origins. Studying the history of the Civil War in the far East in the 1920s. Irkutsk: Irkutsk State University. 151 p. (In Russ.)

Nenarokov A.P. (1991) Smilga Ivar Tenisovich. *Revvoensovet Respubliki* = Revolutionary Military Council (Revvoensovet) of Republic (6 September 1918 – 28 August 1923). Moscow: Politizdat. P. 349–359. (In Russ.)

Pyatnitsky N. (1999) Evolution of the red military doctrine. *Voennaya mysl' v izgnanii. Tvorchestvo russkoi voennoi emigratsii. Russkii voenniy sbornik* = Military thought in

ский путь, военный университет, 1999. Вып. 16. С. 255–260.

Свечин А.А. Стратегия. 2-е изд. М.: Военный вестник, 1927. 263 с.

Симонов Н.С. ВПК СССР: темпы экономического роста, структура, организация, производства, управление. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. 504 с.

Тухачевский М.Н. Доклад, написанный по поручению В.И. Ленина, об использовании военных специалистов и выдвижении коммунистического командного состава (по опыту 5-й армии) : Избранные произведения. М.: Русский шахматный дом, 2020. С. 3–8.

Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 гг. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 496 с.

Критерии авторства

В.Н. Воронцов и М.С. Суханова выполнили научно-исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Воронцов Владислав Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, Россия, ✉ e-mail: woronzow@mail.ru

Суханова Мария Сергеевна, соискатель, специалист по УМП 1 категории, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21, Россия, ✉ e-mail: kazanskaya.masha@mail.ru

exile. Creativity of the Russian military emigration. Russian military collection. Moscow: Russian way, military University. Iss. 16. P. 255–260. (In Russ.)

Svechin A.A. (1927) Strategy. Moscow: Military Bulletin. 263 p. (In Russ.)

Simonov N.S. (2015) Military-industrial complex of the USSR: rates of economic growth, structure, organization, production, management. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. 504 p. (In Russ.)

Tukhachevsky M.N. (2020) Report, written on behalf of V.I. Lenin, on the use of military specialists and the promotion of the Communist command staff (based on the experience of the 5th army): Selected works. Moscow: Russian chess house. P. 3–8. (In Russ.)

Tinchenko Ya.Yu. (2000) Golgotha of Russian officers in the USSR. 1930–1931. Moscow: Moscow public scientific Foundation. 496 p. (In Russ.)

Attribution criteria

V.N. Vorontsov and M.S. Sukhanova performed research work, on the basis of the results conducted the synthesis, prepared the manuscript for publication, own the copyright on the article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Information about the authors

Vladislav N. Vorontsov, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Irkutsk State Transport University, 15, Chernyshevsky street, Irkutsk 664074, Russia, ✉ e-mail: woronzow@mail.ru

Maria S. Sukhanova, PhD candidate, Saint Petersburg State Economic University, 21, Sadovaya street, Saint Petersburg 191023, Russia, ✉ e-mail: kazanskaya.masha@mail.ru